

Он ответил уклончиво:

— Хорошо, тогда иди в передний зал, я поговорю с отцом и сразу присоединюсь к тебе.

Цзи Чанли согласился, затем, помедлив, наклонился к его уху и тихо предупредил:

— Наставник не знает о твоём демоническом прошлом, так что лучше не упоминай о времени, когда ты потерял память, чтобы избежать проблем.

Шэнь Мянью понимал, чего боится Цзи Чанли — разоблачения использования Пыльцы цветка забвения. Он кивнул:

— Я знаю, как себя вести.

Шэнь Мянью уже собирался уйти, но Цзи Чанли вдруг обхватил его за талию, притянул к себе и поцеловал в щеку.

Ученики, сопровождавшие их, не осмелились смотреть, поэтому не заметили этого, но это увидели представители клана Муронг, пришедшие поздравить с днём рождения.

— Такая пара — настоящая удача для тебя, Чанли, — сказал Муронг Мин, подходя сзади, в его голосе звучала лёгкая горечь.

Цзи Чанли спросил:

— Что привело тебя на Пик Меча, Муронг?

Муронг Мин ответил:

— Во-первых, поздравить старейшину Шэнь Цзюня с днём рождения, а во-вторых, поздравить его с прорывом на стадию Вознесения.

Действительно, великий мастер на стадии Вознесения заслуживал такого внимания со стороны знати, но Цзи Чанли нахмурился.

— Когда наставник совершил прорыв?

— Недавно. Разве ты не знал?

— Для достижения стадии Вознесения нужно пройти через девять небесных испытаний, чтобы создать тело за пределами обычного. Я был на Пике Меча, почему я ничего не почувствовал?

Муронг Мин усмехнулся:

— Тогда старейшина Шэнь был в нашем императорском дворце, укреплял защитные барьеры столицы, и вдруг совершил прорыв. Восемьдесят одна небесная молния обрушилась на город, это было незабываемое зрелище.

Цзи Чанли кивнул, но его глаза стали мрачными.

Шэнь Цзюнь был твёрд в своих убеждениях, он должен был знать, когда совершать прорыв. Почему он выбрал именно этот момент, находясь в гостях у клана Муронг? Это было совпадением? Или у него были свои планы?

Войдя в задний зал Лося, ученики удалились, и Шэнь Мянй прошёл около ста метров, прежде чем увидел Шэнь Цзюня, стоящего в центре зала с Мечом Небесного Ковша в руке.

Этот меч, защищавший Бессмертную секту Великой Тайны тысячелетиями, был легендарным артефактом, но лишь немногие могли им управлять. Даже Шэнь Цзюнь мог лишь использовать его силу.

Говорили, что Меч Небесного Ковша был первым среди всех артефактов, уступая только божественным.

Но сейчас этот гордый меч покорно лежал в руке Шэнь Цзюня, словно слуга.

Шэнь Мянй, глядя на спину отца, почувствовал странное отчуждение и позвал:

— Отец?

Шэнь Цзюнь обернулся, и Шэнь Мянй на мгновение увидел ослепительный серебряный свет, знакомый, как тот, что он видел в Божественном чертоге у Цзи Чанли.

Шэнь Мянй замер и осторожно спросил:

— Кто ты?

Шэнь Цзюнь подошёл к нему, его прекрасное лицо было бесстрастным, словно сочетало в себе милосердие и холод. Он остановился перед Шэнь Мяннем.

— Снова встретились, — произнёс он, его голос звучал торжественно.

Шэнь Мянй отступил на шаг.

— Кто ты такой? Где мой отец?

Тот промолчал, затем сказал:

— Твой отец здесь, я лишь временно пользуюсь его телом. Он сам согласился.

Шэнь Мянй нахмурился:

— Отец никогда бы не позволил кому-то завладеть своим телом.

— Он согласился, потому что хочет защитить тебя. Только так я могу использовать его тело.

— Что ты хочешь?

— Раньше моей задачей было защищать этот мир. Но теперь у меня появилась ещё одна обязанность — защищать Сяо Юй'эра. Когда ты спросил, кто я, я могу лишь сказать, что сейчас я — лишь часть души.

Шэнь Мянй помолчал, затем спросил:

— А до смерти ты был кем?

— До смерти... — тот, казалось, нашёл это забавным, его лицо смягчилось. Он подошёл ближе.

— До смерти меня звали Цитянь.

Шэнь Мянью широко раскрыл глаза и прошептал:

— Император Цитянь?

В Тайном царстве Сюаньцзюнь было ясно написано, что титул Бессмертного Императора был: Великий Бессмертный Цитянь, Повелитель девяти небес.

— Не совсем, — спокойно сказал мужчина, глядя на ошеломлённое лицо Шэнь Мянью. — Я лишь часть его души, не целый Император Цитянь.

— Я не понимаю.

Император Цитянь, казалось, был озадачен, но его голос оставался спокойным и торжественным:

— Это сложно объяснить.

Шэнь Мянью схватил его за рукав.

— Я умный, я пойму.

Но мужчина ответил:

— Вместо того чтобы вникать в прошлое, лучше скажи мне, откуда ты, дух, вселившийся в это тело.

Лицо Шэнь Мянью побелело. Он знал, что он не Шэнь Цзиньюй!

Император Цитянь слегка поднял брови, и внезапно яркий свет окутал Шэнь Мянью, притянув его к себе.

Этот свет, казалось, имел собственное сознание. Он ласкал нежную талию Шэнь Мянью, касался его округлых ягодиц, проникал под одежду, чтобы поиграть с его сосками, словно шаловливый ребенок. Шэнь Мянью не мог поверить, что его дразнит луч света.

А тот, кто смотрел на него с состраданием, всё ещё оставался невозмутимым, словно это не имело к нему отношения.

— Что ты хочешь!

— Я просто хочу понять, что в этом интересного. Почему этот демон и Цзи Чанли так тебя любят.

Шэнь Мянью сжал губы.

— Это интересно?

— Действительно интересно. Жаль, что у меня нет тела, иначе было бы ещё интереснее.

Он, казалось, наигрался, и свет отпустил Шэнь Мянью, который, обессиленный, упал на пол, его глаза были пустыми, он тяжело дышал.

Мужчина посмотрел на его покрасневшее лицо, и в его груди странно защемило. Он присел рядом с Шэнь Мянью.

— Я пожертвовал собой ради великого пути и никогда не жалел об этом. Но сейчас я чувствую лёгкое сожаление.

Если бы у него было своё тело, он мог бы обнять этого маленького духа. Это было бы интересно.

Но сейчас он был в чужом теле, и он не хотел прикасаться к нему чужими руками.

Император Цитянь прищурился, и луч света приподнял подбородок Шэнь Мяня.

— Скажи мне, откуда ты и кто ты.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Я знаю, что ты не Шэнь Цзиньюй. Все обманываются внешностью, но я не такой. Ты — его тело, но не он.

— Разве это важно?

Мужчина задумался.

— Не важно. Мне просто любопытно. Я защищал этот мир так долго, что мне стало скучно. Ты кажешься мне новым и очень симпатичным.

Говоря это, он нежно погладил щеку Шэнь Мяня лучом света.

Его глаза были лишены эмоций, и Шэнь Мянэ не мог его понять. Ему было лень разбираться, ведь древний бог без тела вряд ли мог быть его целью. Поэтому он спросил напрямую:

— Если ты уже умер, почему не переродился?

— Я переродился. Цзи Чанли — это моё перерождение.

Шэнь Мянэ замер, но мужчина продолжал:

— Половина моей души находится в божественном артефакте, другая половина переродилась. Это было сделано для того, чтобы, когда демон вернётся через тысячу лет, у нас был шанс противостоять ему. Но...

— Но?

Император Цитянь спокойно сказал:

— Цзи Чанли знает о нашей связи, но боится меня и не хочет объединяться. И, как видно, его страх небезоснователен.

Он действительно начал привязываться к этому миру.

Император Цитянь был величественным и холодным, но он сильно отличался от того, каким Шэнь Мянэ представлял себе бога.

Потому что этот древний бог был слишком прост в общении, даже дружелюбен.